

Виктор Цветков

**Привыкаю
к одиночеству**

(стихи)

г. Никольск

2006 год

Земная душа

Виктор Николаевич Цветков родился в воснном 1941 году в деревне Федоровское Усть-Кубенского района. С 1950 года живет в Никольске. С 1963 по 1973 год (десять лет) работал на Череповецком металлургическом комбинате в сортоприкатном цехе. Но малая родина призвала его к себе. С 1974 года Виктор Николаевич работал в Никольске главным лесничим межхозяйственного лесхоза, начальником лесхозучастка, заместителем главы районного самоуправления.

Стихи и рассказы о природе он пишет давно, но редко выносит их на суд широкого читателя. Автор поэтического сборника «Встреложенные струны» (2001 г.), сборника рассказов «Горький запах полыни» (2003 г.), поэтического сборника «Я жил как жил» (2004 г.). Печатался в коллективных сборниках «Рассветный час» и «Звезда Поюжья». «Привыкаю к одиночеству» - четвертый сборник поэта.

Счастье Виктора Николаевича в том, что ему не нужно напрягать память и угруждать душу в поисках малой родины - он живет на ней всю свою жизнь. Через край книги «Привыкаю к одиночеству» переливаются прозрение и заблуждение поэта, его жизнелюбие и его раскаяние, его спор с миром и с самим собой. Но в сердцевине его главных сомнений и страстей «одна, но пламенная страсть - Родина».

*Нет, я не разрушал церквей,
Не подрывал устои храмов,
Но, не любя престольных хамов,
Любил я Родину сильней.
Стихотворение «России-мать».*

Или еще:
*Я расскажу тебе про чудный край,
Где серебрят заснеженные дали,
И тают в них тревоги и печали,
Мне радость жизни дарит этот край.
Стихотворение «Ты не вошла в мой дом».*

Виктор Цветков стал очевидцем, свидетелем страшной русской беды: распада векового уклада деревенского быта, семьи, умирания деревни. И сердце поэта откликнулось стихами на эти социальные явления.

*Повсдаю тебе цю боль мою, -
Как кладбище, заброшены деревни,
Отцов моих и дедов поселенья,
Но ты скажи, поймешь ли боль мою?*

Поэт судит себя слишком строго - отсюда смятение и тревога, появившиеся в его стихах:

*А в душе, как вморозь, сомнеешь:
То ли делал? Праведно ли жил?
И горю в костре самосожженья,
Что имею - то и заслужил.*

Стихотворение «Самосожжение».

Тема любви к женщине четко обозначена в творчестве Виктора Цветкова. Состояние влюбленности - это особое отношение к миру. Любовь не всегда приносит счастье, но всегда наполняет жизнь особым смыслом, делает душу особенно зрячей.

*Мне хочется искренне верить
Душой, излучающей свет.
Словами любовь не измерить,
Любовь - она есть или нет.*

Стихотворение «Любовь».

Давняя дружба связывает Виктора Цветкова и большого русского поэта Василия Мишленева. Ему он посвятил ряд стихотворений, в которых исповедально говорит об этой дружбе.

*Лишь с тобою в радости смеялся,
В неудачах - шил и горевал,
И душой за грош не продавался,
И дешевой дружбы не искал.*

Стихотворение «Другу».

Читаешь стихи Виктора Цветкова и невольно начинаешь думать о своей жизни. Воспоминания сливаются с мыслями и прозрениями поэта.

Таинство поэзии - в сопереживании. В лучших стихах своих он легко достигает этого сопереживания с читателями. Вот почему на все вопросы, которые поэт задает самому себе, должен отвечать и читатель.

Как итог, надо сказать очень добрые слова обо всем, что уже сделано поэтом и что еще, твердо в это верю, следует от него ожидать.

*Да будет так! Поручкой тому - оптимистический настрой самого автора.
...Мир уж совсем иной,
В лесах все звонче птичье пенье...
Я ощущаю за спиной
Весны святое пробужденье.*

Александр КУБАЕВ.

Пробуждение

И отступили холода,
Седую даль раззанавесив,
Не лед, а талая вода
Живит разбуженные веси.

В макушках сосен — синева,
Под ними солнечные тени,
Зорь вологодских кружева
Плетут в улыбчивой сирени.

Но по утрам еще сильны
Зимы прощальные оскалы,
И губят ранние цветы
Ее смертельные удары.

Но мир совсем уже иной,
В лесах все звонче птичье пенье...
Я ощущаю за спиной
Весны святое пробужденье.

Я сегодня грустью весел

Я сегодня грустью весел
От ромашек на лугу,
Ветер облако повесил
На березовом суку.

И качает, словно зыбку,
В тихом шелесте листвы,
Спрятав коростеля скрипку
В придорожные кусты.

Дремлет в облаке младенец,
Ночи юное дитя —
Звездоглазый рыжий месяц,
Лес и доли серебры.

И клубит туманов просинь
Над зеркальем сонных плес.
Спит дитя, из зыбки слезы
Расплескав хрустально рос.

Я сегодня пьян и весел.
Только вспомнить не могу,
Те глаза с зеленым в просинь
На каком любил лугу.

Привыкаю к одиночеству

Я привыкаю к одиночеству,
Забуду Ваше имя-отчество,
Но ночью в лунной тишине
Вы вновь являетесь ко мне.

Печалью выпиты глаза,
С ресниц скользнувшая слеза,
Прощенья вымученный вскрик...
И я готов...Но мой двойник
Мне шепчет: - Глупый, не спishi
Раскрыть объятия души.

Есть грусть и радость в одиночестве,
Как в неразгаданном пророчестве,
Как в листопаде ранней осени.
Клубят туманов первых просини,
Но с первым ветра дуновением
Исчезнет все в одно мгновение.

Привык, как явь, души пророчество,
Я привыкаю к одиночеству.
Все реже в лунной тишине
Ты в снах являешься ко мне.

Твои глаза

Январь.

Мороз за сорок пять,
И воздух до того упругий,
Что отступили сразу всячь
Метели, ветры, тучи, вьюги.
Но через это царство зим,
Где даже лютый зверь не бродит,
Путем, неизвестным другим,
Моя любовь к тебе приходит.
Она спешит, не помня зла,
Не потеряв себя в опале...

Ах, если бы твои глаза
Ее в морозы согревали.

Память

Нет дыма без огня,
Как нет огня без дыма.
Ты в сердце у меня,
Но в сердце не любимом.

Растают день за днем,
Промчатся год за годом,
Останутся в былом
Печали и невзгоды.

Когда осенний дождь
Пройдет тропой незримой,
Ты в сердце оживишь
Забывтой, но любимой.

Как юны были мы!
Как огненно любили!..
Прошедших дней дожди
Пожары потушили.

Нет дыма без огня
И нет огня без дыма...

Ты в сердце у меня
Лишь памятью любима.

Самосожжение

По жнивью протопав сапогами,
Осень к нам спешит издалека.
Отзвенели небеса дождями, -
Снегом набухают облака.

А в душе, как изморозь, сомнения:
То ли делал? Праведно ли жил?
И горю в костре самосожженья,
Что имею — то и заслужил.

Ностальгия

А за окном не зимняя погода,
Но и не май, как будто бы ужас.
Не важно мне, в какое время года
Любовь совет гнездо в моей душе.

Приемлю все: и птичий пересвист,
И всплеск зари в крещенские морозы.
Свечой горит в ночи кленовый лист,
Хрустальнозвонны тают в поймах росы.

И к небесам возносится душа,
Опьем любви и ласкою согрета...

О, как давно... и было ли все это?..
И я задернул штору не спеша.

Другу

В.М.М-ву

Милый друг, уж близок час прощанья,
Ухожу я в невозвратный путь,
Ты приди и золото молчанья
Вместо роз мне положи на грудь.

Ты приди и ласковой рукою
Прикоснись отговоривших губ,
Не обласкан чувственной любовью,
В чувствах я с тобою не был груб.

Лишь с тобою в радости смеялся,
В неудачах — пил и горевал,
И душой за грош не продавался,
И дешевой дружбы не искал.

До свиданья, друг... До новой встречи...
Ты придешь, а я уж не вернусь,
Будем Там любить нежней и звонче
Вороньем растерзанную Русь.

Но и Там, в тиши и благодати,
Под крылом небесного Творца
Мы пройдем дорогой испытаний,
Своего не потеряв лица.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»
Без упреков и ненужных слез,
Пусть завянут в золоте молчанья
Аспестки на грудь упавших роз.

Кукушечка

Ах, ку-ку, кукушечка, ку-ку,
Не пророчь мне, сердобольная, тоску,
Не тревожь души моей заживших ран,
Все пророчества твои сплошной обман.

Подсмотрел я у рассвета на краю,
Юный месяц целовал взахлеб зарю,
Шальный ветер в лунном зеркале озер
Полоскал зарю сафьяновый подол.

Сбив росу крылом с сиреневых ветвей,
О любви свистел залетный соловей,
Подхватив мотив в предутренней тиши,
О любви с волной шептались камыши.

Зря наводишь на плетень, кукушка, тень.
Солнцезвонный будет завтра новый день.
Счастливы буду не во сне я — наяву
И с любимой лет до сотни доживу.

Ах, ку-ку, кукушечка, ку-ку,
Расцвели любви ромашки на лугу,
В лепестках ромашек я найду ответ,
То ли любит меня милый, то ли нет.

Колокольчатые звоны

Почему не слышно песен
В час заката над рекой,
Почему мне мир так тесен,
И не радует покой?

Оттого ли, что в цветеньи
Майских грез поет душа,
И взрывает птичье пенье
Лушный шепот камыша.

Оттого ли, что над Югом,
Выпив звончатую высь,
Колокольчатые звоны
По округе разлились.

Бирюзовую лапчатку
И улыбку василька,
И разлучицу купаву
Узнаю издалека.

От лугов плывут туманы
Над задумчивой рекой.
Мне до счастья звездной дали
Дотянуться бы рукой

И понять, что жизнь прекрасна,
Коль покоя в сердце нет,
И с сдиактивной, прекрасной
Встретить песенный рассвет.

Русская баня

В.Н. Корепину

Славно банька протоплена,
Пышет каменка жаром,
От кадушки запарочной —
Дух пихтовым дурманом.

Пар березово-липовый
Сдобрен хлебным кваском,
Жародышащим облаком
Над тесовым полком.

Вася — банщик отмеченный,
(В бане с Васей не спорь),
Из телес моих веничком
Выколачивал хворь.

Спичу вдольно и поперек
Вспашет веничек-плуг:
Прочь хвороба из косточек,
Прочь из тела недуг.

Деды (вправду, аль в шуточку?),
Только знаешь ли ты,
После баньки за чарочку
Отдавали порты.

Ну, а мы не беситанные,
Веря в добрую грусть,
Славя радости банные,
Пьем за банную Русь.

После баньки да чарочки
Тело словно гранит...
Банька! Русская баня
Русь от хвори хранит.

Я ухожу

А за окном
В закате дремлет клен.
Явилась ночь —
Белуниная, смелая.
Я одинок.
Я сердцем утомлен,
Устало сердце,
Мрак переживая.

Закрой глаза, любимая,
Закрой.
Как много грусти в них,
Как много в них печали.
Не для любви
Мы встретились с тобой,
Не для улыбок
Губы повстречались.

Я ухожу...
Так надо...
Я не твой...
Там ждет меня
Холодная, чужая.
Я ухожу,
Не проклятый тобой,
Себя за ложь
Казня и презирая.

Я видел все...

Мне не понятна тайна грез,
В изломе сумрачного света
Не отражающая звезд,
Твоих зрачков, немая бездна.

В угрюмой пропасти души
Ни дна, ни трепетного вала,
Как в дебрях дремлющей глуши
Лишь всхлипы ржавого болота.

И не понятно — почему
Любовью выжженные чувства
Звездой пронзая ночную мглу,
Из мглы в рассвет тебя не пустят.

Я видел все: закат в дыму,
В чужой душе свою усталость,
Лишь что лежало на виду,
Мной не увиденным осталось.

О дружбе

Памяти Мануила Свистунова

Друзья не бывают бывшими,
Друг — он есть или нет...
Озера блестят глазищами,
Стреляющими в рассвет.

Друзья не бывают лучшими,
/Худший — уже не друг/.
Мне друг в минуту не лучшую
Отдаст спасательный круг.

Поделится всем, что имеется
В богатстве его души.
Сорвусь ли в горах над пропастью,
Выручить поспешит.

Счастье и горе разделятся
Поровну, пополам.
Потребуется — без сожаления
Я жизнь за друга отдам.

Я слушаю - звонами лунными
Шепчут в ночь камыши:
Друзья не бывают бывшими,
Друзья не бывают лучшими,
Друзья не бывают худшими,
Друг — это зов души.

Дифирамб О-Ле...

В чужой судьбе — мне тоже не чужая,
Случайной встречей вспыхнув, отгорев,
Меня ласкает та же, но другая,
Сказать которой что-то не успел.

В ломбард с тоски отправив дифирамбы,
Я ей взахлеб пою хвалу и честь...
В ней что-то есть чаруйное - от жабы,
От дикой розы, впрочем, тоже есть.

О добре

Добро не ходит с кулаками,
Любовь подвластна лишь добру.
Мы землю топчаем сапогами,
Руками тянемся к цветку.

Мечь.

Раны мстью не излечишь,
Боль не утешишь... Потому -
Я злу - добром на зло отвечу
И руку недругу пожму.

Не зови ты меня Чингиз-ханом

Ты меня в экстазе называла
Кровожадным, буйным Чингиз-ханом
И с такою страстью целовала,
Будто я и впрямь твоим был ханом.

От реки бескровную зарею
Предрассветный напылал туман,
Скомканной, предсвадебной фатою
Сонный лес и стан твой накрывал.

Только я, не растворясь в тумане
И дурмане слух пьянящих слов,
Не желаю знать о Чингиз-хане,
Я — потомок русских мужиков.

Я люблю любовью тех Иванов,
Исколон живущих на Руси,
От которых грозный царь монголов
Без огляда ноги уносил.

Не зови меня ты Чингиз-ханом,
Ты сама не ханская жена,
В плен взята, но не на поле бранном, -
Чувством губ и страстью пленена.

Не зови меня ты Чингиз-ханом,
Человек, рожденный на Руси,
Никогда ни чьим не будет ханом
И рабом быть — Боже упаси.

На могиле друга

Памяти Б. Чебаевского

Старая, мшистая ель,
О чем ты шумишь надо мною?
Души отболевшей метель
Следы замела за собою.

Старая, добрая ель,
Напоми далекому другу,
В движенье по вечному кругу
Мы часто не слышим друг друга
В угаре удач и потерь.

Мудрая, старая ель,
На холмике с водкой в стакане,
Ушедших друзей мы помянем,
Друг к другу терпимее станем,
И чувственней будет метель.

Старая, мудрая ель...

Разменная монета

В кругу друзей, в объятьях суеты
Постичь не в силах повседневность скуки,
Целуем дам, подчас случайных, руки
И тонем в омуте душевной пустоты.

В чужой душе, как в замкнутой квартире,
Понять стараюсь суть простых вещей,
Пытаемся мы в собственном бессилье
Плоть оторвать от собственных мощей.

Коль предал Вас однажды близкий друг,
За что и как — ты не ищи ответа,
Когда твой друг стал вдруг не друг, а так —
Лихого времени разменная монета.

Наивные... Мы силам, но тщетно
В души потемках что-то отыскать...

Мне умереть в кругу друзей не страшно,
Куда страшнее друга потерять.

Любимые места

*...Не встретишь здесь дурного глаза,
Бывало, двери без замка,
На Вологодчине деревни —
Мои любимые места...*

А. Подольский

Холмами скрытые деревни
Мне снятся в предрассветный час.
Я ощущаю телом бранным
С деревней трепетную связь.

В деревне люд — не Ванька-встанька,
Не по нутру им дурь валять.
Привыкло им такое дело —
Ремень на пузе затягать.

В колодце — свежая водица,
В амбаре — с горя сдохла мышь,
Но светят радостью их лица,
Когда о них им говоришь.

А на мосту шустряк мальчишка,
В ноздрю мизинец запустив,
Совсем безвредный шалунишка,
Вниз кувырком летит с перил.

Хоть маюсь я порой в поносе,
Слова рифмуя невпопад
Но я с деревней на покосе
Всегда заочной встрече рад.

И вадох полей, и птичье пенье
Мой слух ласкают в зыбком сне...
Все вологодские деревни
Я так люблю в Йошкар-Оле.

«На Вологдине деревни —
Мои любимые места...»,
Но жить в деревню, без сомнений,
Я не приеду никогда.

Кровать

Кровать
На четырех
Ногах
Устойчиво стояла,
Но значимости
Истинной своей —
Не знала.

Чужие руки

В бокале пснится вино.

Не гаснут свечи.

Набросил вечер за окном

Вуаль на плечи.

В гнетущей душу тишине

Блуждают тени.

Душа, как грешница во сне,

В плену сомнений.

Я жду напрасно. В тишине

Шагов не слышно.

В заснувшем парке при луне

Я — третий, лишний.

В бокале выпито вино.

Погасли свечи.

Чужие руки, как ярмо,

Легли на плечи.

Жизнь с листа

Вот побреюсь, помоюсь
И начну жизнь с листа.
Сердцем другу откроюсь
И отступит хандра.

Если друг не поможет
Побороть в сердце грусть,
Я с утра опохмеюсь,
А под вечер напьюсь.

Не хочу...

*Распахну воротник судьбы:
Пусть лицо обожжет и шею.
Говоришь: жизнь прожить
без борьбы...*

*Не хочу!
Не могу!
Не умею!*

Р. Панов

Не хочу!
Не могу!
Не умею!
Для чего и живу — не пойму.
Обожжет пусть веревка мне шею,
Задохнусь — значит, быть по сему.

Не хочу! — это, братцы, от лени.
Не могу! — знать, силенки не те.
Не умею! — А что я умею?
Не отвечу я даже себе.

Сам с собою в неравной борьбе,
Жизнь кручу и верчу, как сумею.
Но рубашку рвануть на себе -
Не хочу!
Не могу!
Не умею!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Утонула мечта, как цветы
В предрассветном тумане.
Я бреду в никуда,
Спотыкаясь на каждом шагу.
Я, как затянутый зверь,
Беспощадной любовью изранен,
И слеза, как роса,
Остывает на сочном лугу.

Я бреду в никуда,
Вдоль обрыва под сполохом синим,
Я привязан к земле,
Словно крест к вековым куполам,
И шумят надо мной не дожди, -
Льются слезы России,
И склоняются травы
Не от ветра, от скорби, к стопам.

Не зовите того, что ушло
И уже не вернется,
Кто к страданиям ближнего нем
И безжалостно слеп,
Кто в открытую душу плюет
И при этом смеется,
И, как праведник Богу,
Поклоняется звону монет.

Я в затерянный мир ухожу
Без надежды вернуться,
С горькой болью в душе
За оставшихся, но не живых,
Растерявших друзей

И себя не нашедших
В дикой скачке за счастьем
На несчастья и горе других.

Мы бредем в никуда
По безбрежным просторам России,
Сквозь безумную ночь
К предрассветным туманам седым,
И приветствуют нас
У предельной черты пилигримы,
И слезит нам глаза
Рокового Отчуждения дым.

КРИВДА-ПРАВДА

Мы живем в стране веселой
Скоморохов и шутов,
Кровососов олигархов
И продавшихся менгов.

И куда не кинешь взглядом,
В кривду-правду попадешь:
Унизительное — рядом,
Омерзительное — сплошь.

ДОБРО И ЗЛО

От добра к добру не убегают,
Чаще так — от зла к добру бегут,
Если вдруг добро со злом смешают,
Зубы сжав, сквозь слезы молча пьют.

Жаль мне вас, обманутых судьбою,
Молча пьющих траурный коктейль.
В ночь уйдя невидимой тропею,
Ты в рассвете не увидишь день.

Во мгле ночей — все розы в черном цвете,
Все цветы улыбочиво - мертвы,
И мерцают болью на рассвете
Звезды с онемелой высоты.

От добра к добру раскиньте руки,
Злу закройте напрочь сердца дверь.
Зло с добром — для сердца боль и муки,
Горечь слез и торжество потерь.

Добро и зло — не совместимы в целом.
Добро и зло — равно, как Жизнь и Смерть.
Коль выбор есть, я выбираю смело —
В костре добра любовью отгореть.

ПРИДОРОЖНЫЕ КРЕСТЫ

Мотая версты на колеса,
Спешу от праздной суеты,
А вдоль дороги по откосам
Стоят могильные кресты.

А вдоль дорог в туманный вечер
Слезу роняют васильки...
Те, под крестом, уже далече,
Что к ним спешат — уже близки.

Визг тормозов... Железа скрежет...
Неразделимы тьма и свет...
Огонь съедал живых и мертвых
В машине, брошенной в кювет.

Рассветный час в хрустальных росах,
Зарей расцвечены кусты,
А вдоль дороги, по откосам
Звенят могильные кресты.

ВЫПЛАКИВАЕТ ОСЕНЬ

Ты меня не любишь...
Ну, так что ж!
Я и сам тебя люблю не очень,
За окном выплакивает осень
В серебро листвы опавшей дождь.

Хороша ты в юности рассветной,
Я в закате дней своих хорош,
Оттого тропинкою заветной
За собой меня не уведешь.

Я давно в сиреневом тумане
Заблудился, не найду пути.
Нам с тобой не в правде, не в обмане
Ни любви, ни счастья не найти.

И в душе весны ушедшей просинь
Ты случайной встречей не зажжешь...
За окном выплакивает осень
В серебро листвы опавшей дождь.

ЗАМШЕЛЫЙ ЛОВЕЛАС

Замшелый пенё,
Большой ценитель
Культы,
Влюбился в елочку.
Любви познав науку,
Он сердце отдал ей
И дал в придачу
Руку.
А через день
Несчастный пенё
Скончался от инсульта.

Мораль не в елочке,
Мораль во пне.
Ищите!
Коль мохом
Обросли,
То лучше не грешите.

ТЫ НЕ ВОШЛА В МОЙ ДОМ

Давай зайдем в мой небогатый дом,
Как дорогую гостью привечая,
Я угощу тебя целебной чашкой чая...
Давай зайдем в мой небогатый дом.

Зажгу свечу и растоплю камин,
Пусть за окном склерозно дождь бормочет,
Свиристует простудный холод ночи,
Теплом огня согреет нас камин.

Я расскажу тебе про чудный край,
Где серебрят заснеженные дали,
И тают в них тревоги и печали,
Мне радость жизни дарит этот край.

Поведаю тебе про боль мою, -
Как кладбище, заброшены деревни,
Отцов моих и дедов поселенья,
Но ты скажи — поймешь ли боль мою.

Не поняла. И не вошла в мой дом.
Любовь моя и боль — тебе чужда...
Дождь смое след, но память никогда
Не смое он. Ты не вошла в мой дом.

НА РЫБАЛКЕ

Надежда тешит рыбака,
Как свет в окне — любовника.
Один надеется на клев,
Другой на пылающую любовь.

Печальны оба — клева нет,
Погас в окне надежды свет.

КОРОВЬЕ ОКО

На меня устремилось око
Из-под острых коровьих рогов.
В ндм запали глубоко-глубоко
Ширь и свежесть раздольных лугов.

И пророчит мне долю кукушка
Под унылую песнь пастухов.
Треплют ласково сосен макушки
Лебединую зыбь облаков.

Над лугами заря догорает.
Свет волшебный струит с высоты.
В росных травах буренка гуляет,
Языком лепесточки сплетает,
Да целяет рогами кусты.

Есть в коровьей туманности ока
И тоска, и печаль деревень,
Без конца и пачала дорога,
Да весцлости знойная лень.

СИГАРЕТНЫЙ ДЫМ.

*...Куда, не ясно, и зачем
В такси поехал, таксу не спросивши,
Но сигаретный дым, он мил и нем,
Как ветерок бодрит оживший.*

А. Подольский

Когда братве пускаю дым
В глаза, оплавившие от водки,
Себя я вижу молодым
У ложа трепетной молодки.

И все качается в дыму
От заграничной сигареты,
Я взглядом комкаю фату
Невесты. Не мой — с портрета.

Но вот судьбы лихой вираж,
Себя в дыму не различая,
Я ухожу в крутой кураж,
Стихи в котлеты превращая.

Я весь в сигарочном дыму
И с задымленными мозгами,
Бог весть, куда в такси лечу,
Проблему не решив с деньгами.

Кому, не ясно, и зачем
Я мысли дымные рифмую.
Я лучше был бы глухонем,
Чем немоглук, строча вслепую.

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

Посадили птичку
В золотую клетку.
Зернышки-алмазы
Блещут на подносе.
Королеве-птичке,
Глупой невеличке,
Пить росу приносят
С золотистой розы,
С перышек пылинки
Ей пажы сдувают...

Знай щебечет пташка,
Горюшка не знает.

Но однажды пташке
Скучно стало в клетке,
В золоченой клетке —
Не щебечут детки.

И расправив крылья,
В стель лететь решила, -
Золотая клетка
Птичку не пустила.

И напрасно в клетке
Птичка в стенки бьется,
Из золотого плена
На свободу рвется.

Раз попавши сети,
Ни за что на свете
Не расправить крылья.

Не клевать в рассвете
Ни за что на свете
Ей росы ковыльной.

Сделав сказку былью, -
Быль не стала сказкой
В золоченой клетке
Без любви, без ласки.

Не смирившись с былью,
Сказку проклиная,
В золоченой клетке
Птичка погибает...

.....
Вольным — ветер вольный
И роса в рассвете.
На крыло взмывают
Вольной воли дети.
Их полет расцветят
Золотые зори,
Их в степи приветит
Солнечное море,
И поет им ветер
Песенку простую:

«Не слышите, детки,
В клетку золотую.»

ВЕЧЕР В КАФЕ

В углу, за столиком «Эдема»,
В дыму и мерзкой полутьме,
Сяду без мысли и без дела,
Противен всем и сам себе.

Вокруг размывчатые лица
И непотребно пошлый взгляд
Собой утешившейся девицы,
Себя сдающей на прокат.

Но вдруг в котле чумы и ада,
Слетая сон и явь в кольцо,
Как долгожданная награда, -
Беспечной Юности лицо.

Как призрачны в угаре вином
По-детски строгие черты,
Глаза, в бровей разломе дивном,
Лучились, девственно чисты.

Каким путем, какие ветры
Сюда невинность занесли?
Не дай ей Бог упасть в безверьи
Цветком, растоптанным в пыли.

И я, склонившись над стаканом,
В душе кляня себя и всех,
Благословил потухшим взглядом
Паденья чувственный успех.

ЛЮБОВЬ И СЛЕЗЫ

Спешил на встречу,
Не ждал потери,
В безумный вечер
В любовь поверив.

Сияли звезды,
Был месяц ясен.
Слезу иль росы
Пил лучший яшень?

Под ним мы молча
Вдвоем стояли,
Сказать друг другу
Чего — не знали.

В хрустальной вазе
Завяли розы.

Кому достались
Любовь да слезы?

ПРОРОЧЕСТВА

Л. К.-Ц.

Кукушка счастья
Мне век пророчит,
Судьба иная
В словах сорочьих,
А, может, проще,
Чтоб без сомнений,
Не слушать больше
Мне птичьих мнений.

Сорву ромашку я,
И не знаю,
Какую правду
В судьбе узнаю.
Цветку ромашке
Себя доверю,
Что напророчит, -
Тому поверю.

Рву лепесточки
Под зноем летним.
Любовь иль горе
Сорву в последнем?

И слез и счастья
В цветке том было,
Что на двоих нам
С лихвой хватало.

И все, что случилось,
И все, что было,
Водою талой
Весною смыло,
И зарастает,
Что стало былью,
Да, на погосте
Травой-ковылью.

ЧТО ЗНАЧУ Я...

Сует морось в чахнувшие доли
Решетом небес осколки солнца,
И роняет лес в земли ладони
Золотые, с проседью, червянцы.

И я уйду...
Все в жизни проходяще,
Вольюсь в рассвет, как западалый сон,
И лягу в землю в омертвелой роще
Под дикий ор ликующих ворон.

Что значу я? —
Сей жизни гость случайный,
Пришедший, чтоб покинуть отчий кров...
Слепая ночь в безжизненные ставни
Стучит оскалом северных ветров.

В ГОРОДСКОМ САДУ

Галине К.-Г.

Как невесты после брачной ночи,
Разбросан венчальные наряды,
В тишине задумчивого сада
О чьм грустят николевские березы,
О ком в листву с ветвей роняют слезы,
Что тихий шепот их — кому? — пророчит?

Быть может, сны им снятся обо мне,
Беспечном шалопае-забияке,
Сбивавшем кулаки в ребячьей драке
О сверстников разбитые носы...
А, может, им другие снятся сны —
О строгом профиле в сиреневом окне.

О той далекой, но до боли близкой,
Из юности ушедшей навсегда.
Быть может, в час рассветный иногда
Она вдруг вспомнит с грустью обо мне,
Но я один в беседке детства низкой.

И не пойму, смахнув украдкой слезы,
О ком грустят николевские березы.

ЗАСТИРКИ

Постираю
Шторки-занавески.
Постираю
Ручно, по-советски...
О.Ф.

Постираю
Шторки-занавески,
А за ними —
Лифчик и трусишки.
Замочу
Исподню, панталоны
В кипяточке с мылом,
По-советски.
Все белье
Вручную прокручу,
Выжму в тазик
Капельки-слезинки,
Уложу в плетеные корзинки,
Развешу под черемухой
Цветущей,
Чтоб застирки
Забелели щуце.
А потом
Присяду к самовару,
Чашек восемь
Опорожню кряду.
Оботру
Испарину со лба —
Ай, да я!
Как я себе любя!

Господи!
За что такая доля,
В век прогресса,
Досчиталось, Оле.

РИО — РИТА

Рио — Рита — Маргарита,
Слух ласкающее имя.
В звуках чувственного гимна —
Искры пламенного флирта.

Маргарита — Рио — Рита,
В брызгах солнечного лета
Поздней осени примета
По пискам моим разлита.

Рита — Маргарита — Рио.
Прошагав дорогой длинной,
Нашей песне лебединой
Улыбаемся стыдливо.

Рио — Рита — Маргарита.
За окном бунует осень.
Глаз твоих зеленых просинь —
Чувств растраченных примета.

Рио — Рита, Рио — Рита!
Всплеск весны в глазах осенних,
Я твоих объятий пленник,
Рио — Рита — Маргарита.

ЛЮБОВЬ

Татьяне Смолиной

Гитара смеется и плачет,
И рвется в туманный рассвет.
В любви не ловите удачи,
Любовь — она есть или нет.

Кружат пожелтевшие листья.
(Прощальный осенний сонет).
Любовью нельзя насладится,
Любовь — она есть или нет.

Мне хочется искренне верить
Душой, излучающей свет,
Словами любовь не измерить,
Любовь — она есть или нет.

Гитара смеется и плачет,
И рвется в туманный рассвет...
Я всем пожелаю удачи
В любви до скончания лет.

В день ангела светлый Татьяны
Пусть светит Вам вечно любовь,
И звуки волшебной гитары
Волнуют горячую кровь.

ЭПИГРАММА

Т-Т-Т

Ни умом,
Ни разумом
Не бледет,
Языком,
Как помелом,
Метет.
Себе сама — «ура-а-а!»,
И рукоплещет,
Сама себе
И дифирамб поет.

Заулав мысль
В платочек-паутинку,
В друзьях зачислив
С краю вся и всех,
Она вам сбавать
Может и лезгинку,
Конечно же —
Без права на успех.

Лепечет чужь,
Как на ветру
Осина,
И ветер чужь
Уносит в никуда...
В поступках есть
И глупость,
И причина,
Причина глупости —
В отсутствии
Ума

ПРЕДОСЕННЕЕ

Пойдем за дальние овины
Под жар пылающих осин
По колкой стьни луговины,
Под зрень веселую осин.

Пойдем в тот лес, где пахнет прелью
Листвы опавшей и грибов,
Где хрупкий кустик можжевельный
Стоит, продрогший до зубов.

Где куст поблекший иван-чая
Морозец первый прихватил,
Звенит ручей, не замечая
Осенних режущих удил...

Провыл тоскливо волк бродячий,
Вздохнула ночь, темным темна,
И осень поступью кошачьей
Шуршит у моего окна...

Бежим, бежим скорей к озерам
Под зрень веселую осин
По крутолобьм косогорам,
Под жар пылающих рябин.

НА ВЕТЛУГЕ-РЕКЕ

Памяти Ю.Конева /Шамана/

Над Ветлугой-рекой
Тают в дымке закаты,
За излучкой крутой —
Быстряки-перекаты.

В тихом омуте плеса
Дремлют щука и сом,
Дремлют мудрые сосны
На обрыве крутом.

Вековые дубравы
Отражаются в плесе,
В пойме песню поют
Косари на покосе.

Я стою на пригорке —
Широка,
Глубока
Катит к матушке-Волге
Воды дочка-река.

Хорошо на Ветлуге,
Но на Юге милей,
В водах тешится стерлядь
И полною окуней.

Голавли и сорога,
И «царь-рыба»- ерши,
Костоваты немного,
Но в ухе хороши.

Не шумят здесь дубравы,
Но в сосновом бору
Леший ведьму таскает
На окатом горбу.

Что не омут — то сказка,
Что не пригча — то быль,
Вот за это Юг-реку
Я и пел, и любил.

КОЛЕСНИЦА ЖИЗНИ

внучке Настеньке

Мчится жизни колесница,
В ней седок — не млад, не стар...
Был вчера я в роли принца,
Нынче — дедушкою стал.

Не жалею и не плачу,
Благодарствую судьбе, -
В дни заката, как награду,
Подарившей внучку мне.

И певичья, и плясунья,
С божьей искоркой в глазах,
Словно бабочка, порхает
С куклой Барби на руках.

Утомленный день растает,
Сон коснется детских глаз,
И шалунья засыпает,
Деда слушая рассказ.

В лунном свете звезд мерцанье
Отражается в окне.
Внучка спит, и пусть ей снится
В золоченой колеснице
Принц на розовом коне.

В сказку-сон она поверит,
Принц придет, наступит срок,
И на ножку ей примерит
Он хрустальный башмачок.

А ТЫ ТАКАЯ ЮНАЯ БЫЛА

А ты такая юная была,
Свежа, как ландыш раннею весною.
По небу, словно тучка, проплыла
И заслонила всех других собою.

И я, уже не юный далеко,
По-юношески в молодость влюбленный,
Шагал по жизни споро и легко,
Любовью той и страстью воскрыленный.

Но где-то там в заоблачной дали
Уже рождались грозовые тучи,
И эссы молний по небесной круче,
Сгущая тьму, невидимы, ползали.

И грянул гром. Разверзались небеса.
И хлынул дождь на чахнувшие травы.
Смывая припек чувственной отравы, -
Спасала нас внезапная гроза.

И я, уже не юный далеко,
По-юношески в молодость влюбленный,
С тобой расстался грустно, но легко,
Как растает с гостем гость случайный.

Да, ты такая юная была
И в памяти моей такой осталась...
А за окном сирени ветвь качалась,
Глухая ночь, как день, была светла.

СНЕГИ БЕЛЫЕ

На восточной окраине
Вологодской земли
В яшаре снега белые
Все пути замели.

Мне не верится — верится,
Знаю я наперед,
Там, в никольской провинции,
Правда жизни живет.

По весенним излучинам
Тихой Юга-реки
Уж давно не разносятся
Парохода гудки.

Скоро вьюги откружатся,
Оттремит ледоход,
В синей дымке покажется
Белый мой пароход.

Мы стануем на палубе
Танго первой любви...
Наши годы далекие,
Как вода, утекли.

На восточной окраине
Благодатной земли
В юность нам снега белые
Все пути замели.

Наши годы далекие
Не вернуть, не догнать,
Но, как в юности, хочется
И любить, и мечтать.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАРОД

(экспромт)

Кто-то что-то покупает,
Кто-то что-то продает,
Кто-то жен чужих ласкает
Кто кому-то морду бьет...
Удивительный народ.

Кто с чужих столов жирует,
Кто в открытую ворует,
Кто-то в роскоши живет,
Кто-то, сжав беззубый рот,
Пальцем тычет в пуст живот.
Удивительный народ.

Может, хватит! Может, все же
Мы дадим «князьям» по роже?
«Князя» — жирной мордой в грязь,
Кто из грязи — будет князь...
Кто здесь временные? Слазь!

МОЙ ВЕРНЫЙ ПЕС

Вой собачий — жизни переключка...
Был мой друг когда-то молодым,
Шерсть сваялась, вьелась в хвост колючки,
В глазах у пса застыл печали дым.

Он смотрит вдаль — и тает даль в тумане,
Он слушает — не слыша ветра стон,
И рыщет память в Голубом Урмане,
Причужив след промчавшихся времен.

Пес помнит все, что греет сердце мне:
Глухой тайги застывшее молчанье,
Медвежий взрык и жаркое зимовье,
И всплеск зари в промдранувшем окне.

А жизнь течет. Как свечи, тают годы.
Короток их и скоротечен миг...
Мой верный друг и я, дитя Природы,
Природы слышим сжатый болью вскрик.

Кто, обезумев, в алчной эйфории,
С замашками не прошенных гостей,
Под корень рубит собственные корни
И вырубает будущность детей?

Мой добрый пес, минуло наше время,
И нам с тобой не взять остывший след,
Шагнуло в жизнь совсем иное племя —
Без Родины, без Чести, без Побед.

Мой верный друг, и я, дитя Природы,
Все пережив, но не предав страну,
Закинем в ночь к холодным звездам морды
И с тоски завоем на луну.

НОЧЬ В ЗИМОВЬЕ

Смеркается.
Все ниже небосвод.
Звезда, как светлячок,
Горит в окне.
Прохладой веет
От застывших вод,
И тает день
В лимонной луне.

Мне одиноко
В сумрачной нзбе,
Лишь верный исс,
Свернувшись у порога,
Скулит сквозь сон
В гнетущей тишине,
И манит вдаль
Таежная дорога.

И думаю я
С грустью об одном —
Вернутся ли
К зимовью снегири?
Рассвет полощет
За слепым окном
В озерной стыни
Сарафан зари.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

сестре Тане

Когда с небес прольется в рощу вечер,
Ты распрощаться с прошлым не спеши,
Как друг, прильнет к щеке осенний ветер,
Звения листвою в памяти души.

Весь оком, исполненный прохладой,
Испепеленный скучным зноем дня,
Вдруг оживет. И будет мне отрадой
Кленовый лист, упавший на меня.

Кленовый лист — живой души осколок,
Лучом зари скользнувший мне на грудь...
Короток день. И век листа короток.
Но неизбежен этот вечный путь.

Когда в саду заснут дневные звуки,
С души слетит последний клена лист,
Мне явит сон печальный миг разлуки,
Разлуки той, что тайну встреч хранит.

ТВОИ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

Твои усталые глаза
И губ увянувшая свежесть,
Как отпугумевшая гроза,
Не вспламенят былую нежность.

Но я и сам уже угас,
Былыми чувствами сожженный,
Как мотылек в рассветный час,
Мечусь душой опустошенной.

Лечу к случайному огню
Согреть озябнувшие крылья,
Не обжигаюсь... и лечу
Под полог праздного улынья.

Твои усталые глаза
И глаз моих остывший омут,
Как два надломленных крыла,
Вскрылить в безоблачность не смогут.

РОССИЯ-МАТЬ

Склонились маковки церквей
В безмолвно-горестном поклоне
И на судьбы обрывном склоне
Их скорбь понятней и больней.

Нет, я не разрушал церквей,
Не подрывал устои храмов,
Но не любя престольных хамов,
Любил я Родину сильней.

Нет, я не уттижал людей
Сверкнув ножом в метельном свисте,
И на дороге смутных дней
Не осквернил души корыстью.
В беде не предавал друзей,
Крестов не рушил с колоколен,
Но понимал, что очень болен
Был в бездуховности своей.

Русь иссеченная, прости
За дикий свист кровавой розги,
За тупики и перекрестки
На искореженном пути...

Склонились маковки церквей
В безмолвно-горестном поклоне...
Россия-мать! скажи, до коле
Нам жить в обители теней.

...НО МУЗА УМЕРЛА

Не посещай меня больного, Муза,
Тяжелый вздох сдавил больную грудь,
Но ты пришла, и горизонт разузиви,
Взмахнув бичом, вскричала: «...Живо, в путь!»

Подняв перо дрожащею рукою,
Взгляд уперев в простынно-белый лист,
Я уловил надломленной душою
В больной душе полета легкий свист.

Но устремясь к высотам звездной бездны,
Я понял вдруг, сколь тяжек этот путь,
И поспешил дорогой безмятежной,
Больной душой, упасть к земле на грудь.

И изнивившись лживо перед Музой,
Пообещав ей впредь не брать пера,
Тяпнусь к перу, рифмуя: «лужа — стужа,
Любовь и кровь»... Но Муза умерла.

СЛУХ ДУШИ

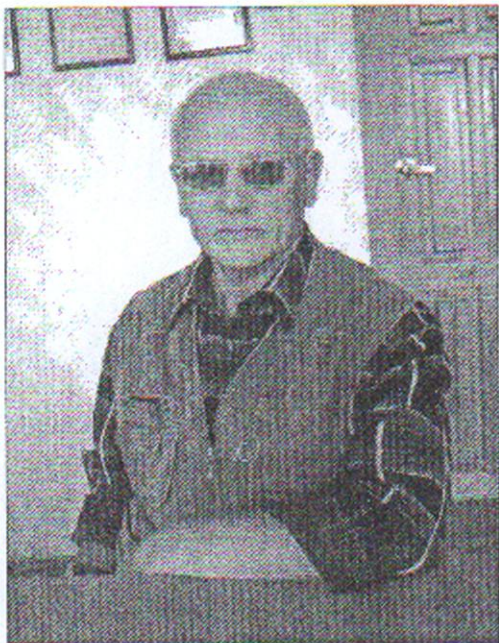
Говорят, что музыканты слышат
Многим больше прочих звуков нас,
Но они молчат, нам просто свищут,
Бестолково в рифмы устремясь,

Признаю — призвание поэта
Не открыл в себе — наоборот...
Да, пишу я скучно, но при этом
Слышу, как душа земли поет.

СОДЕРЖАНИЕ:

«Пробуждение»	4
«Я силюсь грустью весел»	5
«Привыкаю к одиночеству»	6
«Твои глаза»	7
«Память»	8
«Самосожжение»	9
«Ностальгия»	10
«Другу»	11
«Кукушечка»	12
«Колокольчатые звоны»	13
«Русская баня»	14
«Я ухожу»	15
«Я видел все...»	16
«О дружбе»	17
«Дифирамб О-Лс»	18
«О добре»	19
«Не зови меня ты Чингиз-ханом»	20
«На могиле друга»	21
«Разменная монета»	22
«Любимые места»	23
«Кровать»	25
«Чужие руки»	26
«Жизнь с листа»	27
«Не хочу»	28
«Дым Отечества»	29
«Кривда-правда»	31
«Добро и зло»	32
«Придорожны кресты»	33
«Выплакивает осень»	34
«Замшелый ловелас»	35
«Ты не вошла в мой дом»	36
«На рыбалке»	37

«Коровье око»	38
«Сигаретный дым»	39
«Птичка в клетке»	40
«Вечер в кафе»	42
«Любовь и слезы»	43
«Пророчества»	44
«Что значу я...»	45
«В городском саду»	46
«Застирки»	47
«Рио-Рита»	48
«Любовь»	49
«Эпиграмма»	50
«Предосеннее»	51
«На Ветлуге-реке»	52
«Колесница жизни»	54
«А ты такая юная была»	55
«Снеги белые»	56
«Удивительный народ»	57
«Мой верный пес»	58
«Ночь в зимовьи»	59
«Кленовый лист»	60
«Твои усталые глаза»	61
«...Но Муза умерла»	63
«Слух души»	64

*... А в душе, как изморозь, сомненья:
То ли делал? Праведно ли жил?
И горю в костре самосожженья,
Что имею — то и заслужил.*

В.У.